

Сулейманова Альмира Камиловна, Зиятдинова Евгения Вячеславовна

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА "ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ" В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются структура концепта "Интеллигенция", некоторые из средств вербализации данного концепта в русском языке на уровне ближней периферии, выявляются особенности его представления в индивидуально-авторской картине мира А. П. Чехова, выделяются синонимичные и антонимичные лексемы, задающие контекст употребления, а также определяются возможная трансформация значения базовой лексемы в контексте литературного произведения в целом и авторская интонация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 152-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Сагитова А. Ф. Зоометафора как один из способов кодирования культурного смысла (на материале русского, турецкого и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 23-26.
5. Соловьева А. Д. Варьирование фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина // В. М. Шукшин: взгляд из XXI века: тезисы докл. к VII междунар. науч. конф. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2004. С. 25-27.

THE SYSTEM OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ADVERSATIVE CONJUNCTION *BUT*: SEMANTIC ASPECT

Sklyarova Natal'ya Gennadiyevna, Doctor in Philology
Southern Federal University, Rostov-on-Don
panochka@bk.ru

In the article phraseological units with the adversative conjunction *but* which are examined as constituents of a field formation and in certain semantic relations with each other. The modification of the meaning of the conjunction *but* acts as a key criterion of distribution of phraseological units in the structure of the field, whereas the semantics of composed components in their structure, as well as zoo metaphor and impersonation, forming their figurative foundation, allow phraseological units with an adversative conjunction to reflect various fragments of the Englishmen's worldview.

Key words and phrases: phraseology; phraseological unit; phraseological field; adversative conjunction; semantic relations.

УДК 801.73

В статье рассматриваются структура концепта «Интеллигенция», некоторые из средств вербализации данного концепта в русском языке на уровне ближней периферии, выявляются особенности его представления в индивидуально-авторской картине мира А. П. Чехова, выделяются синонимичные и антонимичные лексемы, задающие контекст употребления, а также определяются возможная трансформация значения базовой лексемы в контексте литературного произведения в целом и авторская интонация.

Ключевые слова и фразы: концепт; приядерная зона; репрезентант; индивидуально-авторская картина мира; лексема; ассоциативное поле.

Сулейманова Альмира Камиловна, д. филол. н., доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет
sgaziz@ufanet.ru

Зиятдинова Евгения Вячеславовна, к. пед. н.
Инженерный лицей № 83 имени М. С. Пинского УГНТУ
evg-zi21@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА А. П. ЧЕХОВА

Концепт является важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике. Представители различных научных школ по-разному определяют это понятие. На основании многочисленных определений концепта можно выделить его следующие инвариантные признаки:

- минимальная единица, отражающая человеческий опыт в его идеальном представлении, имеющая полевою структуру и вербализирующаяся с помощью слова;
- основная единица хранения, обработки, передачи знаний;
- концепту присущи подвижные границы;
- он социален;
- ассоциативное поле концепта обуславливает его прагматику;
- это основная ячейка культуры;
- концепт имеет конкретные функции.

Следовательно, концепты представляют мир человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы [2, с. 46-47].

Концепт «Интеллигенция», выбранный в качестве объекта исследования, является ключевым для русского менталитета концептом. «Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование является чрезвычайно актуальной проблемой» [1, с. 55].

Основной задачей статьи является подробное рассмотрение структуры концепта «Интеллигенция» и выявление особенностей представления этого концепта в индивидуально-авторской картине мира А. П. Чехова. Для этого выделялись синонимичные и антонимичные лексемы, задающие контекст употребления, а также учитывались возможная трансформация значения слова в контексте литературного произведения в целом и авторская интонация (ироничная, нейтральная и др.). Материалом для исследования послужили конструкции с данной лексемой, собранные методом сплошной выборки из произведений писателя.

На сегодняшний день в когнитивной лингвистике разработаны разнообразные методы и приемы описания концепта [1, с. 55-56; 3, с. 112-152]. В отечественной лингвистической традиции структура концепта обычно представлена несколькими слоями. Относительно состава слоев ученые не единодушны. Так, в ряде случаев учитывается только ядро: один концептуальный слой – образный. У большинства авторов выделяется три основных слоя: понятийный, образный и ценностно-оценочный. К ядру концепта относится, как правило, понятийный компонент, в то время как образы, оценки и ценности составляют его периферию. И. А. Тарасова, в свою очередь, выделяет понятийный, предметный, ассоциативный, образный, ценностно-оценочный и символический слои [4, с. 74].

А. П. Чехов вошел в литературу 80-х годов XIX века сразу как новатор, в первую очередь, в выборе жанра. Также нетрадиционной была манера повествования, краткость, лаконизм; необычна и сама тематика рассказов. Так, одной из ведущих тем зрелого периода творчества Чехова становится изображение жизни русской интеллигенции. Используя разнообразные художественные средства, автор создал ряд ярких, типичных образов представителей трудовой и творческой интеллигенции, а также отразил проблемы и конфликты, возникавшие в ее среде.

При рассмотрении понятия обращает на себя внимание различие критериев, по которым А. Чехов относит тот или иной персонаж к интеллигенции. В рассказах 80-х годов наиболее значимым критерием для Чехова является сословный, без учета мировоззрения, нравственной позиции и тем более какой-либо оппозиционности (интеллигенцией называется сама власть). Из 83 «языковых фактов» по 1890 г. включительно 43 имеют «сословное» значение и еще 12 допускают такую трактовку, так как носят неопределенный характер. Из рассказов 80-х годов «Ярмарка» (1882), «Первый любовник» (1886), «В Париж!» (1886) становится очевидным, что в число интеллигенции попадают директор гимназии, прокурор, офицерство, исправник, местная знать (становой с семьей, мировой с семьей, доктор, учитель, секретарь), предводитель, надзиратель.

Сословный критерий представлен в рассказе «Рыбье дело» (1885). Все социальные слои изображаются автором как определенные рыбы. Щука соответствует правящей элите. Далее идет голавль, его А. П. Чехов называет представителем рыбьей интеллигенции и приводит следующие характеристики: *галантен, ловок, красив и имеет большой лоб*. Отмечена также активная жизненная позиция голавля: *состоит членом многих благотворительных обществ*, литературные пристрастия: *читает с чувством Некрасова*, критичность мышления и расхождение жизненных принципов и поведенческих привычек: *бранит щук, но тем не менее поедает рыбешек с таким же аппетитом, как и щука*, причем умело находит этому оправдание следующими философскими размышлениями: истребление пескарей и уклек он считает горькою необходимостью, потребностью времени... Чувствуется, что этот представитель рыбьей интеллигенции сокрушается о расхождении слова с делом и потому в *интимных беседах* в ответ на упреки он вздыхает и говорит:

– *Ничего не поделаешь, батенька! Не созрели еще пескари для безопасной жизни, и к тому же, согласитесь, если мы не станем их есть, то что же мы им дадим взамен?* [5, т. 4, с. 123].

На основании рассказа можно сделать вывод, что Чехов относит к интеллигенции дворян среднего уровня, а также чиновников. Идеологические характеристики здесь оказываются вторичны по отношению к статусу (интеллигентны, т.е. чиновники и среднего уровня дворяне). Эти характеристики лишь подспудно проявляются в контексте: беседа носит несколько философский характер.

Сохраняется сословный критерий и позднее, но со второй половины 80-х годов более частым признаком при описании интеллигенции становится образованность. Внимательный анализ, однако, показывает, что в целом картина значительно сложнее.

Прежде всего, в текстах обращает на себя внимание противопоставление интеллигенции и народа. Часто слово «народ» находится рядом или подразумевается, когда речь идет об интеллигенции. В количественном отношении число таких фрагментов невелико (16), но они очень показательны. На поверхность выходят семантические связи, скрытые в других ситуациях. В некоторых из этих случаев, характерных для произведений автора 80-х годов, определение интеллигенции дается как «не относящийся к народу», а интеллигент – как не мужик. Надо сказать, что это противопоставление имеет различные проявления. Например, во внешнем облике. Так, в рассказе «Учитель словесности» (1889) Ипполит Ипполитыч изображен как человек *с лицом грубоватым и неинтеллигентным, как у мастерового, но добродушным* [Там же, т. 8, с. 21]. Это же противопоставление мы находим в описании одежды. В рассказе 1883 «Осенью» напротив сидящего за прилавком дяди Тихона *стоял человек, <...> одетый грязно, больше чем дешево, но интеллигентно* [Там же, т. 2, с. 32]. Как потом выясняется, пальто его было одето на голое тело. Такая деталь в характеристике интеллигентно одетого человека кажется странной, но для Чехова здесь всего лишь важно подчеркнуть, что его герой был одет не так, как одеваются мужики. Конструкция с противительным союзом в рассказе «Записные книжки» (1897) обнаруживает несоответствие и в образе жизни представителей народа и интеллигенции: *В народе страдают от свежескошенной травы, а у нас в интеллигенции от невесток* [Там же, т. 16, с. 234].

Причем описание некоторых деталей быта в рассказе «Гусев» (1890) свидетельствует о том, что образ жизни интеллигенции часто характеризуется несоответствием между материальным положением (интеллигенция часто сталкивается с финансовыми затруднениями) и имиджем (*похож на барина*, пусть иногда издали, *не хам*, считается порядочным человеком). То обстоятельство, что на пароходе нет второго класса, а существуют только *первый и третий классы*, выявляет, что интеллигенция находится в положении как бы «между»: *брезгливо относится к необходимости ехать с мужиками-хамами и не может позволить себе ехать с буржуа*, так как билет в *пятьсот рублей* ей не по карману. Там же находим, что интеллигенция как класс нуждается в поднятии престижа [Там же, т. 8, с. 32].

А вот из рассказа «Шведская спичка» (1884) узнаем, что интеллигентного человека можно и заподозрить в совершении убийства, так как крестьяне употребления шведских спичек еще не знают, а пользуются ими только помещики, и то не все. К тому же убийство совершено не с корыстными целями.

Такое понимание слова приводит порой к неожиданным трактовкам: для героев рассказа «Недобрая ночь» (1886) Семена и Гаврилы одинаково непереносимы проявления *интеллигентности и высокомерного тона лакея в пиджаке* [Там же, т. 6, с. 43]. Далее из контекста становится понятным, что под интеллигентностью лакея здесь понимается утверждение собственного превосходства, а также пренебрежительное, надменное, барское поведение по отношению к простому человеку, мужику, очевидно, это же ощущается и в представителях интеллигенции.

В «Рассказе неизвестного человека» (1893) встречаются случаи, когда народ и интеллигенция выступают в качестве взаимодополняющих элементов, например, чтобы охарактеризовать жизнь отдельных уголков России или страну в целом, достаточно сказать что-то о народе и интеллигенции: *Россия такая же скучная и убогая страна, как Персия. Интеллигенция безнадежна; по мнению Пекарского, она в громадном большинстве состоит из людей неспособных и никуда не годных. Народ же стился, обленился, изворовался и вырождается* [Там же, т. 9, с. 345].

Астров, герой пьесы «Дядя Ваня», так характеризует жизнь уезда: *Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет* [Там же, т. 14, с. 43]. Примыкает к приведенным фрагментам и отчасти поясняет, что народ и интеллигенция характеризуются как две противоположности, два антипода, следующий отрывок из рассказа «Неприятность» (1888): *честных и трезвых работников, на которых вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенции и мужиков, то есть среди двух этих крайностей – и только* [Там же, т. 8, с. 54].

В ряде рассказов ощущается явно негативная реакция на концепции и идеи, принадлежащие различным представителям интеллигенции. Так, например, в рассказе «Скука жизни» (1886) это идеи народнические:

...я интеллигент, а не тойіік, где же мне трудиться? Я... я интеллигент! ... Или, скажешь, мне у этого твоего народа страдать поучиться? Конечно, разве я страдал когда-нибудь? [Там же, т. 6, с. 21].

А в рассказе «Свистуны» (1885) критике подвергаются идеи славянофильские:

– Ты западник! <...> вы, ученые, чужое выучили, а своего знать не хотите! <...> А я читал и согласен: интеллигенция протухла... [Там же, т. 4, с. 56].

В данном случае интересными являются не собственные представления Чехова об особенностях взаимоотношений интеллигенции и народа, а то, что отражает язык. В этой связи имеет смысл выделить фрагменты из произведений, которые свидетельствуют о противоречивости представления этого концепта в индивидуально-авторской картине мира А. П. Чехова. Так, в письме Н. И. Орлову от 22 февраля 1899 г. встречаем обилие эпитетов, имеющих явно негативную окраску: интеллигенция здесь лицемерная, фальшивая, истеричная, жалующаяся, невоспитанная, ленивая, не играющая решающей роли в общественном прогрессе [Там же, т. 18, с. 567].

Использование в записных книжках (1896-1897) глагольных характеристик позволяет почувствовать, на чем основана вера Чехова в интеллигенцию, в то, что именно от нее зависит спасение народа: *честно мыслит, чувствует и умеет работать; <...> будет воспитывать и холить, <...> даст тебе науку и искусство...* [Там же, т. 16, с. 65].

В письме А. С. Суворину от 7 января 1889 г. оппозицией к интеллигенции у Чехова выступает мещанство, но не как сословие, а как категория людей, наделенных следующими качествами: *воспитанный на чиновничестве, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества...* [Там же, т. 18, с. 45]. А вот избавление от рабской психологии и позволяет отнести этого человека к числу той интеллигенции, которая заслуживает уважения, в которую верит писатель.

Интересным для анализа представляется употребление Чеховым слов «интеллигентность», «интеллигентный», «интеллигентно». Определение «интеллигентный» применяется Чеховым к человеку (25 случаев употребления), к внешности (2), городу (2), женщине (12), жизни (2), мужчине (3), лицу (2), обществу (2), пьесе (2), писателю (1), рассказу (1), театру (2), кругу (1), народу, (1), субъекту (1), семье (1), тону (1).

При отдельном рассмотрении наиболее характерных из этих семантических рядов становится очевидным, что основными характеристиками, находящимися в ближайшем окружении слова «интеллигентный» и выступающими к нему как синонимами, раскрывающими его смысл, образующими ядро концепта, являются: «порядочный» (4 случая употребления), «интересный» (2), «либеральный» (2), «образованный» (2), «университетский» (2), умеющий хорошо говорить (2). Ближняя периферия представлена следующими качествами: интеллигентный человек «гордый» (1), «доброжелательный» (1), «добрейший» (1), «нервный» (1), «прекрасный» (1), «хороший» (1), «старательный» (1), умеющий хорошо держаться (1), т.е. выглядит и ведет себя благопристойно (1). При этом на примере письма А. С. Суворину от 22 декабря 1902 г. следует отметить, что интеллигентный человек совсем необязательно ярок и талантлив, наличие таких качеств, как порядочность и старание, уже позволяет назвать провинциальных актеров интеллигентными [Там же, т. 1, с. 67]. Важные оттенки, дополняющие концепт «интеллигенция», содержатся в письме О. Л. Книппер-Чеховой от 18 марта 1904 г. Речь идет о красивых на вид сапогах, которые стучат при ходьбе, один тесноват. И это мешает чувствовать себя в них интеллигентным человеком [Там же, т. 3, с. 75]. Стучащие при ходьбе сапоги создают шум, причиняют беспокойство окружающим, что не соотносится с обликом и манерой поведения интеллигентного человека.

Дальняя периферия концепта отличается непостоянством признаков. В большинстве случаев интеллигентная женщина отличается умением модно и со вкусом одеваться (3 случая употребления). Она «молода» (4),

«красива» (3), «умна» (3), «говорит» (1) и «пишет прекрасным литературным языком» (1). Хотя встречается и высказывание в письме Л. С. Мизиновой от 23 июля 1893 г., из которого следует, что интеллигентное лицо или лицо, имеющее интеллигентное выражение, не обязательно красиво [Там же, т. 2, с. 98]. Интеллигентную женщину можно узнать по шелесту платья, аромату духов, голосу. Однако в записных книжках (1901) Чехов выделяет и отрицательные характеристики внешне принадлежащих к интеллигентному кругу людей, например, такие как лживость [Там же, т. 16, с. 87].

Крайняя периферия объединяет признаки, представленные единичными реакциями. Так, словосочетание «интеллигентный мужчина» соседствует с такими характеристиками, как «добрый» (1), «интересный» (1), «нескучный» (1), «смирный» (1), «с тонкими, разумными чертами лица» (1).

Заслуживает внимания контекст употребления Чеховым словосочетания «интеллигентная внешность» в рассказе «Бабье царство» (1894), *робкая, неинтеллигентная фигура кажется жалкой, беспомощной и вызывает у героини рассказа отвращение* [Там же, т. 3, с. 39].

В рассказе «Тапер» (1885) неухоженность, нечистота, робость, поношенность, *испитое лицо* – все это признаки неинтеллигентной внешности, и вместе с тем барская изнеженность, следы порядочности и приличия во внешнем облике придают фигуре черты интеллигентности [Там же, т. 4, с. 91].

Контекст употребления понятий «интеллигентная жизнь», «интеллигентное общество», «интеллигентный город» в рассказе «Дуэль» (1891) также показателен. Признаками «интеллигентной жизни» здесь являются отсутствие равнодушия и апатии, наличие живого, активного, деятельного интереса к различным сторонам человеческой жизни: экономической, политической, культурной, поэтому эпитетами в данном случае выступают «*живая, культурная, бодрая*» [Там же, т. 11, с. 82].

В книге путевых записок «Остров Сахалин» (1893) важнейшим проявлением интеллигентности общества становится неравнодушие, активная жизненная позиция, стремление к культуре и творчеству, которое проявляется в благотворительных взносах *в пользу бедных семей каторжных и их детей*, театральных постановках любительского театра произведений русской классики [Там же, т. 15, с. 213].

Признаками интеллигентного города (письмо М. П. Чеховой от 6 июня 1890 г.) Чехов называет близость к культуре, природе, порядок и чистоту, отсутствие глупостей и нелепостей, *уродливых заборов <...> и пустырей* [Там же, т. 10, с. 65].

В письме М. И. Чайковскому от 16 февраля 1890 г. признаком интеллигентности литературного произведения является наличие мысли и хорошего, живого, литературного языка, способность *создать очень определенное впечатление* [Там же, с. 219].

В рассказе «Дом с мезонином» (1896) синонимом к слову «интеллигентный» выступает слово «воспитанный», причем контекст позволяет сделать уточнение: интеллигентный – то есть способный проявить деликатность, не заметить чужую неловкость – соуса, пролитого на скатерть [Там же, с. 179].

В письме к А. С. Суворину от 8 октября 1898 г. деликатность также выступает как определяющая характеристика *интеллигентного тона*, она способна придать искренности звучанию и оставить впечатление талантливой игры, встречи с настоящим искусством, даже от спектакля любительского или провинциального театра [Там же, т. 3, с. 176].

Анализ исследуемого концепта показывает, что представления А. П. Чехова об интеллигенции и интеллигентности весьма сложны и неоднозначны, их трудно ограничить рамками какого-то одного подхода: социально-экономического или социально-этического. Интеллигент, бесспорно, интеллигент. Однако очевидно, что интеллигентность – это больше, чем образованность, хотя и набором определенных либеральных идей она тоже не ограничивается, здесь важным выступает стремление не столько к политическому, сколько к нравственному переустройству мира.

Представление об интеллигенции формируется во взаимосвязи ключевых для русской культуры категорий: «народ» – «интеллигенция» – «мещанство», причем за каждой из них не столько определенный набор идей, взглядов, сколько стиль жизни. Именно это становится главным отличием российского интеллигента от западного интеллектуала. «Интеллигенция» имеет жесткую непосредственную семантическую связь с понятиями «народ» и «мещанство», в то время как у западного «интеллектуализма» другое семантическое поле. До конца 60-х годов XIX в. ни «народ», ни «мещанство» еще не стали ключевыми культурными категориями – именно этот факт объясняет и появление понятия «интеллигенция» лишь позднее указанного периода. Стиль жизни, о котором говорит Чехов, разумеется, оформился прежде, однако за рамками антитезы по отношению к «народу» и «мещанству» он имел совершенно иной, особый культурный смысл. Интеллигентность, в понимании Чехова, – характеристика, имеющая сложную внутреннюю организацию, она не поддается строгой формализации. Она включает представление о хорошем образовании, однако не исчерпывается им. Интеллигентность – не столько образованность, сколько совершенно определенный стиль жизни, формируемый еще в глубоком детстве, который проявляется в голосе, тоне, фигуре, выражении лица, одежде, речи. Интеллигентности нельзя научиться, однако ее сразу замечаешь, причем по едва уловимым признакам.

Список литературы

1. Бушакова М. Н., Буянова Л. Ю. Концепт как базовое средство языковой концептуализации мира: к проблеме статусирования // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Архангельск: ПомГУ, 2005. Вып. 2. С. 50-56.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 296 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
4. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект: монография. Саратов: СГУ, 2003. 120 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1974-1983.

**SPECIFICS OF REPRESENTING THE CONCEPT “INTELLECTUALS”
IN A. P. CHEKHOV’S ORIGINAL WORLDVIEW**

Suleimanova Al'mira Kamilovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
sgaziz@ufanet.ru

Ziyatdinova Evgeniya Vyacheslavovna, Ph. D. in Pedagogy
Engineering Lyceum N 83 named after M. S. Pinsky of the Ufa State Petroleum Technological University
evg-zi21@yandex.ru

The article examines the structure of the concept “Intellectuals”, analyzes some means to verbalize this concept in the Russian language at the near periphery level, discovers the specifics of its representation in A. P. Chekhov’s original worldview, identifies the synonymous and antonymous lexemes predetermining the usage context. The paper also considers author’s intonation and the possible transformation of the basic lexeme meaning in the context of the whole literary text.

Key words and phrases: concept; pre-nuclear zone; representant; author’s original worldview; lexeme; associative field.

УДК 81'32

В статье рассматривается вопрос об определении авторства «Четвертого продолжения» («Продолжения Жербера») цикла о Граале путем проверки атрибуционных гипотез, полученных на основании рассмотрения существующих исторических данных о возможных авторах данного произведения. Приводятся результаты применения двух походов к параметризации авторских текстов: на основании параметров рифм и параметров описания старофранцузского языка с применением к параметризованным текстам математических методов машинного обучения, кластерного анализа и теории распознавания образов.

Ключевые слова и фразы: цикл о Граале; «Четвертое продолжение»; атрибуция; старофранцузский язык; рифма; теория распознавания образов; кластерный анализ; машинное обучение.

Шабалина Анастасия Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет
avshabalina@gmail.com

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АВТОРСТВА «ЧЕТВЕРТОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ» ЦИКЛА О ГРААЛЕ

«Четвертое продолжение», или «Продолжение Жербера», является последним из сохранившихся до нашего времени продолжений знаменитого цикла о Граале. Цикл о Граале включает в себя оригинальный незавершенный роман Кретьена де Труа и три «продолжения»: «Первое продолжение», известное также как «Продолжение Гавейна (Говена)», или «псевдо-Воше», «Второе продолжение», существующее в короткой и длинной версиях и посвященное дальнейшим приключениям Персеваля, «Третье продолжение», или «Продолжение Манессье», завершающее повествование, и, собственно, «Четвертое продолжение», или «Продолжение Жербера», существующее только в двух из дошедших до нас девятнадцати манускриптов и вставленное переписчиками как интерполяция между «Вторым» и «Третьим» продолжениями.

Хронологически оригинальный роман был написан в 1181-1191 гг. [4], по другим источникам – 1168-1190 гг. [10], «Первое продолжение» датируется концом XII века, «Второе продолжение» было создано между 1205 и 1210 гг., датировка «Третьего» является менее точной – от 1214 до 1230 гг. [7, s. 188-122; 10], «Четвертое», наиболее вероятно, было написано в 1226-1230 гг.

Формирование атрибуционных гипотез

На основании детального анализа существующих предположений об авторстве, анализа исторических данных о времени и месте написания «Четвертого продолжения», особенностей авторского стиля предполагаемых авторов были выдвинуты три основные атрибуционные гипотезы:

1. Нулевая гипотеза H_0 : автором «Четвертого продолжения» является Жербер де Монтрёй.

Гипотеза H_0 являлась приоритетной перед началом процесса атрибуции, поскольку подкреплялась множеством как субъективных предположений, так и объективных данных, выдвинутых исследователями. При этом данная гипотеза не может однозначно считаться доказанной, так как некоторые доводы ее сторонников опровергаются более поздними исследованиями, часть из которых не выдерживает критики с точки зрения здравого смысла, другие представляют собой доказательную базу под заранее сформулированный результат, а некоторые, при этом достаточно убедительные, не могут считаться определяющими [6; 9; 13, p. 180].

2. Альтернативная гипотеза, первый вариант H_1 : автором является Манессье.

Гипотеза, предположительно, менее вероятная, чем первая, однако тесное переплетение текстов двух продолжений в манускрипте T, географические, диалектические и временные рамки их написания, а также тот факт, что их сюжеты дополняют друг друга, стали поводом для некоторых исследователей [12] утверждать,